

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ
ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Ответственные редакторы
А. М. Грачева и А. д'Амелия

Санкт-Петербург – Салерно 2003

UNIVERSITÀ DEGLI STUDI DI SALERNO
DIPARTIMENTO DI STUDI LINGUISTICI E LETTERARI

ALEKSEJ REMIZOV
STUDI E MATERIALI INEDITI

a cura di
A. M. Gračeva e A. d'Amelia

Pietroburgo – Salerno 2003

COLLANA DI EUROPA ORIENTALIS

A CURA DI
MARIO CAPALDO E ANTONELLA D'AMELIA

Questo volume è stato pubblicato
con un contributo dell'Università di Salerno

Copyright © 2003 by Europa Orientalis - Puskinskij Dom
Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari – Università di Salerno
Finito di stampare presso Poligrafica Ruggiero, Avellino (marzo 2003)

НАУЧНАЯ КНИГА В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ
АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА

Ю. В. Розанов

О роли чужой книги в творчестве Ремизова сказано очень много. Об этом писал и сам Ремизов, и современная ему литературная критика, часто затрагивают эту тему исследователи ремизовского творчества.

В книге “Подстриженными глазами” писатель дал своеобразную иерархию своих источников, в которой такие первостепенные для авторов нового времени способы получения информации как “наблюдение над окружающими” и “исследование своего внутреннего Я” демонстративно отодвинуты на второе и третье места: “Источник у меня единственный: книга. По счастью, они сами шли мне в руки. Я так и смотрю на книгу, как на живую встречу. Потом я стал присматриваться и приглядываться к живым людям и строить всякие догадки, что есть настоящее в человеке и в чем он только “прикидывается” или, что то же, во что превращается. А наконец, и заглянул в себя и не без удивления открыл и в самом себе целый ряд превращений”¹.

Подчеркнуто книжная ориентация писателя, особенно в эту эпоху, когда более всего ценилось непосредственное, природное художественное творчество, не могла не отразиться на писательской репутации Ремизова. Считалось, что он не знает “живой жизни”, людей и т. д. В этом Ремизов охотно подыгрывал окружающим, представляясь неким чудаком-книжником, живущим в ином измерении, и временами действительно так себя ощущал. Именно об этом свидетельствует дневниковая запись М. М. Пришвина: “Ремизов страдал всегда недостатком материалов, ему

¹ Ремизов А. Подстриженными глазами. Книга узлов и закрут памяти // Ремизов А. Взвихренная Русь. М. 1991, с. 162.

Россия казалась всегда заповедной страной, в которую ему нет входа, и так он пользовался архивами...".²

Текущая литературная критика довольно рано отметила особое отношение Ремизова к чужой книге и, в большинстве случаев, оценивала его положительно. В этом смысле вполне репрезентативно высказывание А. А. Измайлова в его рецензии на книгу Ремизов "Весеннее порошье": "В нынешнем веке, когда литературная улица так шумит, когда писательские костюмы так пестры, голоса так зазывны, — он [Ремизов - Ю. Р.] своего рода уника со своим подвижническим влечением к литературе, обожанием книги...".³

Все современные исследователи согласны в том, что использование (в самом широком плане) чужих текстов является существеннейшей чертой творческого метода Ремизова. Некоторые разногласия здесь касаются отдельных произведений, отдельных этапов творчества писателя. Большинство специалистов считают, что, по крайней мере, до эмиграции произведения Ремизова можно четко разделить на "пересказы" чужих текстов и "непересказы". К последним относятся, прежде всего, "Пруд", "Часы", "Крестовые сестры", "Неуёмный бубен" и "Пятая язва". Но некоторые авторы полагают, что принцип пересказа господствовал у Ремизова всегда и разница только в качестве пересказа. Х. Вашкелевич, например, считает, что "литература казалась Ремизову бесконечной цепью литературных переработок... В романе "Крестовые сестры" он пересказал "Преступление и наказание", в романе "Пруд" — "Братьев Карамазовых", в повести "Пятая язва" — пьесе Гоголя "Ревизор", а свой вариант "Мертвых душ" озаглавил "Огонь вещей" и т. д."⁴

Итак, одна из главных тем ремизоведения может быть обозначена как тема источников, материала для творчества. Из обширного моря книжных источников можно выделить научные тексты, оставив пока в стороне тексты "художественные" (а к ним относятся и произведения древнерусской книжности, и фольклор). Такое разделение не так очевидно, как это кажется на первый взгляд. Существует большое количество переходных случаев. Ремизов объявляет об использовании той или иной научной монографии, дает на нее ссылку в авторских примечаниях, но фактически пользуется лишь примерами художественных текстов из этого научного исследования, не обращая внимания на идеи, аргументацию и

² Пришвин М. М. Дневники. М. 1990, с. 106.

³ Бюллетени литературы и жизни 1915. № 23-24, с. 605.

⁴ Вашкелевич Х. Канцелярист обезьяньего царя Асыки и его Обезвельволпал // Русская мысль (Париж) 1991. 8 ноября, с. 11.

концепцию автора. Примером здесь может послужить книга “Поэтические воззрения славян на природу” А. Н. Афанасьева, теоретические взгляды которого Ремизов не разделял, но этнографические и фольклорные материалы из этого капитального труда широко использовал.

Функция научной книги как источника для Ремизова не сводилась только к “поставке строительного материала” – сюжетных ходов, образов, художественных деталей. В ряде случаев оказывался востребованным и собственно научный потенциал того или иного исследования, писатель становился своеобразным популяризатором научной идеи.

Далее на нескольких примерах я попытаюсь показать различные способы использования Ремизовым научной книги.

В начале XX века Ремизов отбывал ссылку в уездном городе Вологодской губернии Усть-Сысольске, как тогда говорили, “столице зырянского края”. Вековая традиция российской политической ссылки требовала от интеллигентов, волею судеб оказавшихся на окраинах империи, научно-исследовательского отношения к новым местам обитания. Ссылные изучали природу, климат, этнографию, культуру и язык аборигенов, обстоятельно знакомились с краеведческой литературой. В примечаниях к книге “Чертов лог и полуночное солнце” Ремизов писал: “Живя в Усть-Сысольске... в этом центре зырянского населения, я глазами пленника смотрел на неведомое мне нерусское царство... Книги и рассказы просвещенных зырян: книги К. Ф. Жакова и рассказы В. В. Налимова дали мне ту шапку-невидимку, в которой я сам на свой страх пошел по лесам и полям странной зырянской земли...”⁵ В перечне “просвещенных зырян” Ремизов пропустил одну фамилию – Г. С. Лыткина. Его книга “Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. Пособие при изучении зырянами русского языка”, изданная в Петербурге в 1889 г., с большим основанием может быть названа путеводителем по “зырянскому миру” или, по-ремизовски, “шапкой-невидимкой”, чем работы упомянутых этнографов Жакова и Налимова (хотя бы по той причине, что основные их труды появились уже после отъезда Ремизова из Усть-Сысольска). По своему содержанию книга Лыткина далеко выходила за рамки “учебного пособия”, как это было обозначено на титуле. Она включала в себя исторические очерки края, образцы местного фольклора, описание древне-зырянской письменности, житие просветителя зырян св. Стефана Пермского, грамматику зырянского языка, несколько словарей и другие материалы. Некоторые эпизоды и мотивы в творчестве Ремизова свидетель-

⁵ Ремизов А. Чертов лог и полуночное солнце. Рассказы и поэмы. СПб., EOS, 1908, с. 313.

ствуют о внимательном изучении начинающим писателем этой своеобразной зырянской энциклопедии.

Литературный дебют Ремизова – “Плач девушки перед замужеством” (другие названия: “Эпиталама”, “Плача”), напечатанный в московской газете “Курьер” 8 сентября 1902 г., представляет собой очень близкое к тексту воспроизведение русского подстрочника первой части обрядового плача зырянской девушки-невесты, опубликованного в фольклорном разделе книги Лыткина.

В соответствии со своими тогдашними воззрениями на соотношение христианского и языческого компонентов в традиционном фольклоре Ремизов исключил первые строчки зачина-обращения, видимо, считая их позднейшим наслоением:

Спас да Пречистая.
 Пожелай мне добра, пожелай.
 Великим твоим пожеланием
 С поверх головы до подножья ног моих!⁶

Писатель начинает “Плач” обращением невесты к “красному солнцу”, “белому свету”, “подруге-луне” и “семицветной радуге”. Эта тенденция прослеживается и далее. У Лыткина: “Пожелай мне добра от Бога / Столько, сколько звезд”. У Ремизова: “Пожелай мне счастья от матери-земли, сколько на небе осенних звезд”.⁷ Интересно отметить, что в данном случае публикатор в какой-то мере “спровоцировал” писателя на пересказ. В подстрочном примечании Лыткин писал: “В этих плачах не везде соблюден размер стихов и очевидны пропуски и перестановки. Прощу земляков сверить, исправить их...”.⁸ Таким образом, в этой последовательной замене христианского дискурса языческим мы видим один из первых опытов ремизовской реконструкции фольклорного текста, основанный на научных представлениях своего времени.

С. С. Гречишкин в работе “Царь Асыка в Обезьяньей Великой и Вольной Палате Ремизова” доказал, что имя “Асыка” позаимствовано писателем из Вологодско-Пермской летописи.⁹ Но с оригинальными списками древнего памятника ссыльный студент вряд ли мог иметь дело.

⁶ Лыткин Г. С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб. 1889. Отдел II, с. 175

⁷ Ремизов А. М. Избранные произведения. М. 1995, с. 49.

⁸ Лыткин Г. С. Зырянский край..., с. 175.

⁹ Studia Slavica (Budapest) 1980. T. XXVI, pp. 173-176.

Поиск непосредственного источника вновь приводит к книге Лыткина, в которой на основании летописных данных рассказывается о том, как в XV веке вогульский князь Асык “притеснял печерских и верхне-вычегодских зырян”, различными способами противодействовал христианизации края.¹⁰

Считается, что неисправимый язычник князь Асык “передал” ремизовскому персонажу только свое имя. Однако семантика этих образов имеет нечто общее. И тот и другой – противники наступающей цивилизации, своеобразные борцы за естественный образ жизни. Есть между ними еще одно отдаленное сходство. Седьмая статья конституции Обезвелволпала, как известно, узаконивает три обезьяньих слова: “ахру” (огонь), “кукха” (влага) и “гошку” (еда). Писатель, по всей видимости, эти слова придумал. Но по каким образцам и по каким фонетическим моделям? В ремизоведческой литературе была высказана мысль, что в данном случае писатель мог отталкиваться от сообщений в прессе о работах зоологов над дешифровкой звуков, издаваемых приматами. Но можно предположить, что и в этих своих фонетических фантазиях Ремизов опирался на язык реального, исторического Асыки. По крайней мере, в зырянском, вогульском и мордовском словарях, включенных в книгу Лыткина, встречаются очень схожие фонетические конструкции.

Обратимся к следующему примеру. В 1925 году А. Белый в юбилейном письме С. А. Полякову дал внушительный перечень “свершений, событий и достижений” русского символизма. На одно из первых мест Белый поставил призыв к “внимательному изучению подлинно ученых словесников – Потевни, Александра (а не Алексея) Веселовского и других”.¹¹ Реализация этого “требования эпохи” в части, касающейся академика А. Н. Веселовского, в полной мере осуществилась в творческой практике Ремизова. Дело не только в том, что источниками многих произведений писателя явились фольклорные и литературные тексты, извлеченные и из книг и статей Веселовского. (С такими “потребительскими” целями Ремизов обращался ко многим авторам, начиная с книги Лыткина о зырянах). У Веселовского Ремизов усваивал нечто большее – идеи, концепции, стиль.

Научное наследие академика Веселовского делится на две глобальные части. Во-первых, “классика литературоведческой мысли”, – кон-

¹⁰ Лыткин Г. С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. Отдел I, с. 77-78.

¹¹ Белый А. Сергею Александровичу Полякову в день 25-летия со дня возникновения книгоиздательства “Скорпион” // Андрей Белый. Проблемы творчества. Статьи. Воспоминания. Публикации. М. 1988, с. 657.

цепция первобытного синкретизма, теория сюжета и мотива и т. д. Вторых, исследования по христианской литературе и по христианскому фольклору. Сложилось так, что вторая часть оказалась почти не востребованной в русской науке XX века, и только в последние годы она стала привлекать внимание ученых. Это неравенство отразилось и в издательской практике. “Историческая поэтика” (при всем настороженном отношении к идеям академика в советское время) издавалась дважды, а “Разыскания в области русского духовного стиха” и “Опыты по истории развития христианской легенды” не переизданы до сих пор.

Между тем, Ремизова особенно интересовала именно “вторая часть” – студия Веселовского по христианской словесности. Можно предположить, что идеи Веселовского оказали определяющее влияние на отношение Ремизова к языческому и христианскому субстратам культуры, а через это и на мировоззренческую позицию писателя, на его творчество.

Веселовский не стремился резко отделять, а тем более противопоставлять языческие и христианские воззрения народа. “История народного суеверия... – писал он – немислима без углубления в христианские источники, определявшие его материал”.¹²

Пресловутое “двоеверие” Ремизова (этот этнологический термин здесь не вполне корректен), с явно доминирующим христианским началом, сформировалось не без участия идей Веселовского.

Ощутимо влияние Веселовского и в ремизовской концепции “русского стиля”. Сам писатель высказывался по этому поводу очень определенно:

Печерский [П. И. Мельников-Печерский - Ю. Р.] пользовался Афанасьевым, “Поэтические воззрения славян на природу”, я же Веселовским, его “Разысканиями”, и тут между нами пропасть: после Веселовского никак не заластишь под “русское”, да и “белой” гурьевской каши не сварить.¹³

В приведенной цитате обращает на себя внимание противопоставление Афанасьев/Веселовский. В данном контексте это не столько концептуальное противопоставление (мифологический и сравнительно-исторический методы), сколько стилистическое. С одной стороны, пышное, барочное “праславянское язычество”, с другой – строгая поэтика народного христианства, еще более сдерживаемая церковно-византийским элементом.

¹² Веселовский А. Н. Разыскания в области русских духовных стихов. II. Св. Георгий в легенде, песне и обряде // Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. СПб. 1881. Т. 21. № 2, с. 103.

¹³ Ремизов А. Подстриженными глазами, с. 67.

Связь Веселовский-Ремизов подтверждается и определенным тематическим единством двух авторов. Исследуя различные аспекты христианского мира, Веселовский особое внимание сосредотачивал на следующих темах: возникновение христианского мира и Иоанн Креститель, истоки христианской мудрости (царь Соломон, Вавилонские легенды), история крестного древа, “страсти Христовы”, святой воин-змеборец. Эти же самые ключевые темы, иногда без прямых ссылок на Веселовского, были в работе у Ремизова, начиная с “Лимонаря” и почти до конца жизни.

В сферу внимания писателя попадали иногда совершенно неожиданные научные издания. В 1919 году в Петрограде вышел очередной, 168-й выпуск “Трудов геологического комитета”, в котором была опубликована работа известного геолога и палеонтолога, основателя Русского палеонтологического общества А. Н. Рябинина “Ископаемые львы Урала и Поволжья”. Ученый имел некоторое отношение к литературным кругам. В 1918 году он выпустил сборник стихов,¹⁴ был знаком с Ремизовым (упоминается во “Взвихренной Руси” в главе “Октябрь”) и считал необходимым подарить писателю свое палеонтологическое исследование.

Ремизов откликнулся на “редкий подарок” лирической миниатюрой “Пещерный лев”, которую менее всего можно принять за рецензию. Это своего рода пересказ той части источника, где описывается ареал распространения ископаемых львов. Пересказ начинается в сказовой манере “удивленного профана”: “А думали ли вы, что у нас на Руси не одни зайца да лисицы, да волки с медведями, а жил сам лев - *Felis spelaea* - в пещерах”.¹⁵

Далее следует часто встречающийся у Ремизова в различных вариантах каталог - перечень географических районов обитания львов с их краткой, но поэтической характеристикой.¹⁶ Во второй половине текста рассказчик-профан превращается в мудреца, как обычно бывает в сказочном фольклоре, нить палеонтологического сюжета как-то теряется и на первый план выступают эсхатологические мотивы, столь свойственные произведениям Ремизова периода революции: “Ушли, нет больше львов, пропали серебряные болгары, нет Персидского царства, нет и Греческого, так не будет ни России, ни Польши, ни Франции – пропадем,

¹⁴ Рябинин А. После грозы. Прага 1918.

¹⁵ Ремизов А. Крашенные рыла. Театр и книга. Берлин, Грани, МСМХХІІ, с. 130.

¹⁶ О приеме каталогизации у Ремизова – применительно к “вещам” см.: Цивьян Т. В. К семантике и поэтике вещи (несколько примеров из русской прозы XX века). Аequinox МСМХСІІІ. Moskva 1993, s. 213-227.

как серебряные болгары, и те из нас – цари – лягут в золото и платину, а рабам завалят валуны эрратические и ничего от тебя не останется”.¹⁷

“Львиные мотивы” встречаются у Ремизова часто и в различных вариантах: геральдическом (“В поле блакитном”, “В розовом блеске”), агиографическом (“Ров львиный”), сказочном (“Повесть о двух зверях”), мемуарно-оценочном (“Савинков. Le tueur de lions” [Убивающий лев]). Миниатюра “Пещерный лев”, созданная по мотивам “львиной книги” ученого-палеонтолога, существенно дополняет и обобщает семантику данного символа-мотива, возводя почти все его варианты к общему исходному образу: “Нет больше львов на Руси, но дуновение львиное вдохнулось через века дыхом воли: оно и в Самозванце, и в Разине, и в угодниках пещерских – “*Felis spelaea*””.¹⁸

Приведенные примеры не только лишний раз иллюстрируют известное положение о том, что творчество Ремизова развивалось на серьезной историко-филологической основе, но и показывают принципиальное разнообразие использования писателем научной книги – от прямого текстуального заимствования до трудноуловимого “влияния” какой-либо идеи, образа, детали. Именно последнее имел в виду Ремизов, когда писал своей ученице Н. В. Кодрянской: “Вам нужен сюжет или материал. Когда у меня не было, я брался за книгу и вдруг какая-нибудь строчка, даже слово, распахнет дверь”.¹⁹

В заключение еще один пример, рассказывающий об “исторической судьбе” ремизовской концепции “творчества по материалу”. В 10-е и 20-е годы, на пике своей популярности в литературной среде, Ремизов мечтал о том, что ученики и последователи усвоят не только формальные особенности стиля, но и его отношение к литературным, фольклорным и историческим источникам, его внимание к филологическим исследованиям, к научной книге вообще. Эти надежды осуществились в очень незначительной степени. В последний год жизни Ремизов сетовал (в письме Н. В. Кодрянской), что “писатели не знают истории русской литературы, “книга” не для писателя, а стала учебником для учащихся...”.²⁰

Но тем не менее в творчестве Е. И. Замятина, Б. А. Пильняка, А. Н. Толстого и некоторых других авторов, на определенном этапе

¹⁷ Ремизов А. Крашенные рыла, с. 131. Эрратические валуны – геологический термин.

¹⁸ Там же, с. 131.

¹⁹ Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. Париж 1977, с. 349.

²⁰ Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж 1959, с. 310.

творчества примыкавших к “школе Ремизова”, можно обнаружить “следы” ремизовских идей, основанных на историко-филологических разысканиях и размышлениях учителя.

Особенно характерен в этом плане Толстой. В его рассуждениях о литературе и языке (как письменных, так и сохранных мемуаристами) влияние Ремизова настолько очевидно, что это позволило А. И. Солженицыну именно “ремизовский подтекст” высказываний Толстого сделать основой пародии. В опубликованном в 1995 году рассказе Солженицына “Абрикосовое варенье” выведен некий советский преуспевающий писатель, не названный по имени, который в дружеской беседе с коллегами высказывает свои мысли о языке литературного произведения.

Но, прежде чем предоставить слово герою Солженицына, напомним некоторые взгляды Ремизова на эту проблему. Известно, что писатель особо ценил язык русской деловой письменности XVI-XVII веков, выделяя в этом языковом пласте грамоты Судебного приказа, которые, по его мнению, зафиксировали подлинную народную речь. “Каждый вечер – по грамоте XVI века читаю вслух под кукушку [т. е. под часы с кукушкой - Ю. Р.]. Так только можно войти и перенять лад речи”.²¹ В своих книгах, беседах и письмах к ученикам писатель часто сетовал на то, что русская профессиональная литература с XVIII века и до символистов включительно отступила от заветов предков, поддалась иностранным влияниям: “Французы сменили немцев, и прочно возгнездятся на русской земле. (...) И это французское скажется и в рассвете русского: проза Пушкина, Лев Толстой, проза Жуковского - думано по-французски и лада не русского”.²² В этом плане особенно доставалось Тургеневу: “И, конечно, его [Тургенева - Ю. Р.] ‘могучий’ русский язык, я, как русский, с памятью моей всего московского, не могу принять, не оговорясь: хорошо, только не по-‘нашему’”.²³

А вот, что говорит герой Солженицына, в котором “проницательный читатель” без труда узнает А. Н. Толстого, когда-то прилежного ученика “ремизовской школы”.²⁴

Язык произведения – это все! Если бы Лев Толстой мыслил так ясно, как товарищ Сталин, – он не путался бы в длинных фразах. Как стать ближе к языку народа? Даже у Тургенева – перелицованный французский, а

²¹ Там же, с. 201.

²² Ремизов А. Огонь вещей. М. 1989, с. 246.

²³ Там же, с. 196.

²⁴ Солженицын А. Абрикосовое варенье // Новый мир 1995. № 10, с. 33.

символисты так и прямо тянут к французскому строю речи. Я признаюсь, в Девятьсот Семнадцатом году – тогда еще в богеме, с дерзновенной прической, а сам робок, - пережил литературный кризис. Вижу, что, собственно, не владею русским языком. Не чувствую, какой именно способ выражения каждой фразы выбрать. И знаете, что вывело меня на дорогу? Изучение судебных актов XVII века и раньше. При допросах и пытках обвиняемых дьяки точно и сжато записывали их речь. Пока того хлестали кнутом, растягивали на дыбе или жгли горящим веником – из груди пытаемого вырывалась самая оголенная, нутряная речь. И все это - дымящая новизна! Это – язык, на котором русские говорят уже тысячу лет, но никто из писателей не использовал.